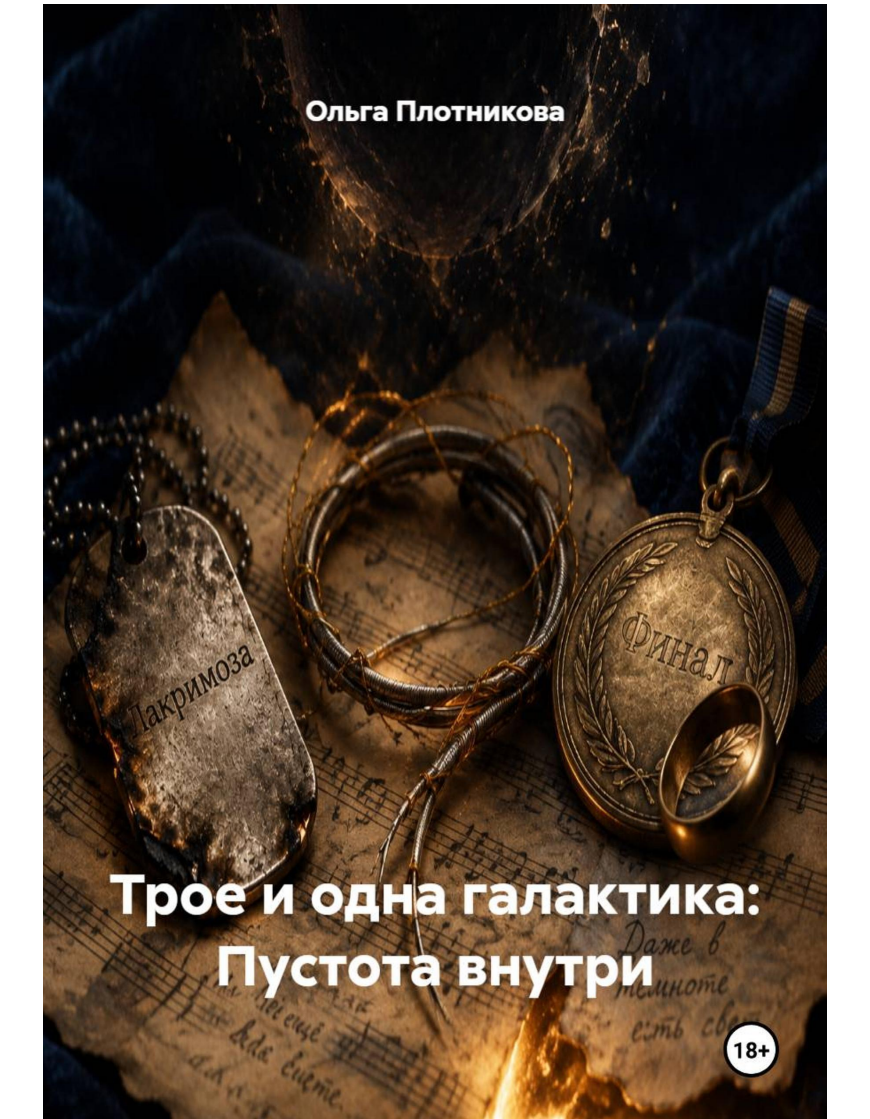

Ольга Плотникова

Трое и одна галактика:
Пустота внутри

18+

Ольга Плотникова

Трое и одна галактика:

Пустота внутри

<https://litres.ru/74419024>

SelfPub; 2026

Аннотация

Галактика спасена, но героев ждёт худший враг — быт. Матео и Валькария тонут в ссорах на Лакримозе. Элиан теряет Медею, которая живёт только музыкой. Киран знакомит безумную охотницу с мамой — и это катастрофа.

В момент слабости Пустота запускает «Эмо-вирус», заставляющий влюблённых сомневаться. Метисы страдают первыми.

Чтобы победить, героям придётся снова научиться чувствовать. Ведь любовь — это выбор, который нужно делать каждый день. Даже когда внутри пустота.

Содержание

Глава 1. Утро, которое пахло беконом и сомнениями	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ольга Плотникова

Трое и одна галактика: Пустота внутри

Глава 1. Утро, которое пахло беконом и сомнениями

Лакримоза. База спецназа «Коготь». Комната Валькарии. 06:47 по местному времени.

Матео проснулся от того, что вентиляция завывала на тон выше обычного. Он открыл глаза и уставился в потолок — серый, бетонный, без единой трещины. Потому что на Лакримозе не было трещин. Трещины считались признаком слабости конструкции. Как и всё остальное.

Рядом, свернувшись в клубок, спала Валькария. Её дополнительные руки обвивали его торс даже во сне — тонкие пальцы слегка подрагивали, словно она видела сон, где приходилось сражаться. Песочная кожа на свету казалась ещё более тёплой, чем обычно, а киноварные гребни на голове мягко светились в такт дыханию.

Матео не двигался. Он научился не двигаться по утрам. Потому что, если он шевелился слишком резко, Валькария

просыпалась с инстинктом воина — и первым делом проверяла, не враг ли рядом. Однажды он чуть не получил локтем в челюсть. С тех пор он замирал и ждал, пока она проснётся сама.

Это был уже четвёртый месяц их совместной жизни.

Не на Земле, где у него был кабинет с панорамными окнами и голографическими отчётами. Не на Венере, с её феромонными дождями и воздушными мостами из переработанного света. А здесь, на Лакримозе — планете-тюрьме, планете-выживании, планете, которую он возненавидел в первый день... и начал понимать к тридцатому.

Он медленно повернул голову к окну. За ним было серое небо. Таким оно было всегда — плотным, тяжёлым, пахнущим железом и озоном. Солнце пробивалось раз в месяц, и те три минуты заката, которые они встретили в первую ночь, казались ему теперь самым дорогим воспоминанием. Потому что остальное время Лакримоза была... Лакримозой.

Прямо сейчас он видел тренировочный полигон внизу. Двадцать ксеноморфов-М уже бегали круги, несмотря на шесть утра. Их гребни — киноварные, жёлтые, фиолетовые, зелёные — мелькали в сером тумане, как разноцветные маяки. Они не издавали ни звука. На Лакримозе было принято тренироваться молча. Считалось, что боевой клич — это признак неуверенности.

Вот уже три месяца Матео пытался понять эту расу. Ксеноморфы-М. Люди их называли просто «песочными дьяво-

лами», но сами они себя так не называли. Они называли себя *Аш-Тар*. На их языке это значило «Те, кто не сдаются» или «Те, кто пережили Пустоту» — точного перевода не было, потому что у них не было слов для понятия «капитуляция».

Две недели назад он попросил Рекса — того самого бело-брысого новобранца, который назвал его «дядь Матео» — объяснить их культуру. Рекс, которому было девятнадцать лет по земным меркам (для ксеноморфа — почти взрослый), сидел за ужином и жевал синтетическое мясо с таким видом, будто это был деликатес.

— Ладно, дядь, — сказал Рекс, жуя. — У нас просто нет понятия «счастье». Есть «облегчение». Когда ты выжил после боя — это облегчение. Когда ты поел — тоже облегчение. Когда командир не убила тебя на тренировке — двойное облегчение.

— А любовь? — спросил Матео. — У вас есть слово для любви?

Рекс задумался. Его дополнительные руки сложились в замысловатый узор — видимо, это был жест глубокой мысли.

— Нет, — сказал он наконец. — У нас есть «Ах-Кха». Это когда ты готов умереть за кого-то. Но ты не хочешь ему об этом говорить. Потому что если он узнает — он может использовать это против тебя. Командир говорит, что любовь — это стратегическая уязвимость. Но она... — Рекс запнулся и посмотрел на Валькарию, которая сидела в другом конце стола и разговаривала с офицерами, — она, кажется, научи-

лась этой вашей «любви». С вами, дядь Матео. С вами она стала мягче.

— Мягче? — переспросил Матео. — Она все ещё ломает новобранцам кости на тренировках.

— Да, но теперь она называет их имена, когда ломает. А раньше — просто ломала.

Это был высший комплимент на Лакримозе.

Матео вздохнул и осторожно высвободился из объятий Валькарии. Она заворчала во сне — низко, почти рычаще — и её дополнительные руки сжались на мгновение, проверяя, не уходит ли он навсегда. Потом расслабились.

Он встал, прошлёпал босиком по холодному полу (на Лакримозе пол всегда холодный — экономия энергии) и направился к импровизированной кухне. «Кухня» состояла из нагревательного элемента, трёх кастрюль и холодильника, который гудел так, будто в нём жил демон.

Но сегодня утром ему предстояло нечто важное.

Он решил приготовить бекон.

Вчера, после особенно сложного дня, Валькария сказала ту самую фразу, которую он ждал: «Я скучаю по твоему бекону». Это было признание. На Лакримозе признания в любви звучат именно так: «Я скучаю по тому, что ты делаешь». Не «я скучаю по тебе», потому что это слишком прямо. А «я скучаю по бекону» — и все понимают, что речь о нём.

Он достал синтетическую беконную массу из холодильника (настоящий бекон пришлось заказывать с Земли —

это стоило бешеных денег и занимало три недели доставки; Валькария обожала его, но в основном — ради принципа). Разогрел сковороду. Жир зашипел.

В комнате, где спала Валькария, что-то изменилось. Он услышал, как она вдохнула глубже, пригнувшись. И её дополнительные руки, которые лежали на подушке, медленно раскрылись, как цветы на рассвете.

— Ты готовишь? — сонным, хриплым голосом спросила она из спальни.

— Я готовлю бекон, — ответил он, не оборачиваясь.

— Значит, ты просишь прощения за вчерашнее? — В её голосе появилась усмешка.

— Нет. Я просто делаю бекон.

Она появилась в дверном проёме. Спать она любила обнажённой — говорила, что одежда мешает мгновенно вскочить в случае тревоги. И сейчас она стояла, высокая, песочная, с дополнительными руками, которые спокойно висели вдоль тела, не сжимаясь в кулаки. Это было хорошим знаком.

Матео на секунду задержал взгляд на её теле. Всё те же шрамы — старые, белые, и новые, розовые. Он уже знал историю каждого. Ожог на боку — от взрыва гранаты на тренировке (она командовала, но прикрыла собой рядового). Рубец на ключице — от вражеского клинка на Океании (ихтианцы, говорят, не любят, когда кто-то нарушает их территорию). Звезда на бедре — от собственного кинжала, случайно, когда ей было семнадцать и она училась обращаться с

оружием без света.

Каждая линия на её теле была картой боёв, которые она выиграла. Он провёл по ним пальцами столько раз, что помнил на ощупь. И каждый раз она замирала, когда он это делал — как будто её никто никогда не рассматривал.

— Ты смотришь, — сказала она, прислонившись к дверному косяку.

— Я всегда смотрю.

— Зачем?

— Потому что ты красивая.

— Я военный. Военные не бывают красивыми.

— Я советник по обороне. Мы умеем распознавать красоту. Иначе мы бы не защищали мир.

Она фыркнула — но без злости. Подошла, встала рядом. Её дополнительные руки легли ему на плечи — легко, как птицы.

— Ты слишком много говоришь, — сказала она, вдыхая запах бекона.

— А ты слишком мало слушаешь, — парировал он.

Она не ответила. Она поцеловала его в плечо. Просто коснулась губами кожи, где начинался шрам от старой царапины, и отстранилась.

Это был их утренний ритуал. Она не говорила «люблю». Она целовала его шрамы. Потому что на Лакримозе шрамы — это единственное доказательство, что ты жил.

Бекон был готов через четыре минуты. Валькария сидела

на кровати, поджав ноги, и смотрела, как он раскладывает хрустящие полоски по тарелке.

— Ты даже не спросил, как прошла вчерашняя тренировка, — заметила она.

— Ты бы сама сказала, если бы было важно.

— Я не говорю о работе за едой.

— Тогда поговорим после.

Она взяла кусок бекона, откусила. И закрыла глаза. Это было похоже на лицо человека, который наконец-то попробовал что-то настоящее. Её дополнительные руки взметнулись, обвили тарелку, словно защищая её от врагов.

— Это хорошо, — сказала она.

— Это всего лишь бекон.

— Это не просто бекон. Это... — она запнулась, подбирая слово, — это «Кха-Ха». Когда кто-то делает что-то не для приказа, а для тебя.

— И что это значит?

— Это значит, что я... — она снова запнулась, и Матео заметил, как её руки дрогнули, — я тебе доверяю. А для нас, ксеноморфов, это важнее, чем любовь.

Он подошёл, сел рядом. Не спрашивая разрешения. Обнял её. Она не сопротивлялась. Она положила голову ему на грудь.

— Я знаю, что тебе сложно, — сказал он в её гребни. Они пахли железом и чем-то сладким, почти как корица. — Здесь всё сложно. Твои генералы считают меня слабаком. Твой от-

ряд... они хорошие, но они смотрят на меня как на пришельца. И я понимаю, что я действительно пришелец. Я не знаю, как быть частью этого мира.

— Ты уже часть, — сказала она в его рубашку. — Ты готовишь бекон. Ты не уходишь после первой ссоры. Ты не боишься моих рук. Это уже больше, чем делал кто-либо.

— Но я всё равно чувствую себя чужим.

— Это нормально. — Она подняла голову, и её медные вертикальные зрачки встретились с его зелёными глазами. — Я тоже чувствую себя чужой на Земле. Когда я прилетаю к тебе, я не знаю, куда деть руки. Я думаю, что все смотрят на меня и видят монстра. Твоя планета пахнет цветами, а я привыкла к железу. Ты думаешь, мне легко?

— Значит, мы оба чужие.

— Но мы чужие вместе, — сказала она.

Это была их самая длинная и честная беседа за последнюю неделю. Потому что в остальные дни они говорили о быте. О том, что закончился сахар. О том, что Рекс получил выговор за разговор на тренировке. О том, что Матео должен подписать отчёт для Совета, а Валькария должна провести инспекцию на дальних постах.

Быт. Вот что разъедало их отношения быстрее, чем любой враг.

Матео вспомнил, как месяц назад он впервые попытался сделать сюрприз. Он купил цветы — настоящие, с Земли, жёлтые. Поставил в воду. Когда Валькария вернулась с тре-

нировки, она посмотрела на них, потом на него, потом снова на них.

— Ты пытаешься меня задобрить? — спросила она напряжённым голосом.

— Нет. Я хочу, чтобы здесь пахло не только железом.

— Цветы вянут. Это слабость.

Она сказала это жёстко, но он заметил: она не выкинула их. Она поставила их на подоконник. И каждое утро, проходя мимо, она касалась одного лепестка — будто проверяла, не засох ли. Это был её способ сказать «спасибо». Без слов.

Сейчас, за завтраком, он вспомнил об этом и улыбнулся.

— Ты улыбаешься, — заметила Валькария, жуя бекон.

— Я вспомнил цветы.

— Дурак.

— Твоя правда.

Она не ответила. Просто взяла ещё один кусок и сунула ему в рот.

— Ешь, — сказала она. — Тебе нужно много сил. Сегодня у тебя встреча с генералом Кха-Таром.

Матео перестал жевать.

— С генералом? Тем самым, который сказал, что я «земная безделушка»?

— Тем самым. Он хочет поговорить о твоей... роли на базе.

— У меня есть роль. Я — твой партнёр.

— Для него это не роль. Для него ты — гражданское лицо,

которое мешает тренировкам.

Матео вздохнул.

— Что он хочет?

— Он хочет, чтобы ты уехал.

Наступила тишина. Только вентиляция выла в такт их сердцам.

Валькария смотрела на него своими медными глазами — прямо, без страха. Но он видел: её дополнительные руки, лежащие на коленях, слегка дрожали.

— А ты что хочешь? — спросил он.

— Я хочу, чтобы ты остался, — сказала она. — Но я не знаю, как тебя защитить. На Лакримозе законы суровы. Если Совет решит, что ты угроза, они могут депортировать тебя без моего согласия.

— Тогда я не пойду к генералу.

— Ты должен.

— Нет. Я советник по обороне Федерации. Я имею право оставаться на любой планете Федерации. И Лакримоза — часть Федерации. Если генерал хочет меня выгнать, пусть подаёт официальный запрос в Совет. На Земле. На моё имя.

Валькария моргнула. И вдруг улыбнулась — той редкой, почти робкой улыбкой, которая появлялась у неё, когда он делал что-то по-настоящему смелое.

— Ты играешь по правилам, — сказала она. — На Лакримозе это считается дерзостью.

— Тогда я буду дерзким.

Она наклонилась и поцеловала его в губы. Солёные от бекона, тёплые, голодные. И в этом поцелуе было всё — и «спасибо», и «я люблю», и «не уходи».

Матео ответил, чувствуя, как её дополнительные руки обвивают его шею, как её обычные руки сжимают его плечи. Это был нежный поцелуй. Но внутри него уже закипал огонь.

Он отстранился первым — потому что знал, что если они продолжат, он не пойдёт на встречу с генералом. А идти было нужно. Хотя бы для того, чтобы доказать, что он не боится.

— Мне пора, — сказал он.

— Я знаю.

— Я вернусь к ужину.

— Если не вернёшься, я найду тебя и убью, — сказала она с улыбкой. Это была их шутка.

Он оделся в свой тёмно-синий костюм (единственный, который взял с Земли; на Лакримозе костюмы считались неудобными, но он настаивал). Выйдя из комнаты, он направился по коридору базы.

Вокруг него, в серых бетонных стенах, жили солдаты, которые тоже были чужими для этого мира — или сделали этот мир своим, научившись не бояться. Он проходил мимо тренировочных залов, где ксеноморфы отрабатывали удары. Мимо столовой, где пахло синтетическим мясом. Мимо казарм, где новобранцы спали на жёстких койках, даже не сняв сапоги — на случай тревоги.

На Лакримозе не было уюта. Здесь выживали.

И всё же Матео начал замечать мелочи. Вот один из солдат улыбнулся ему — не широко, но уголками губ. Вот другой кивнул, проходя мимо. Вот на стене в коридоре кто-то нацарапал слово на их языке — «Ах-Кха». Матео спросил у Рекса, что это значит.

— Это значит «мы здесь», — ответил тот. — Мы всегда пишем это, когда чувствуем, что можем умереть. Чтобы другие знали, что мы были.

Матео понял. Лакримоза учила его ценить каждый день. И он ценил.

Даже если иногда ему казалось, что его чувства к Валькарии — это всего лишь попытка сбежать от самого себя, от той строгой, правильной жизни, которая была у него на Земле.

Где он был советником, который никогда не ошибался. Где у него был офис с панорамными окнами и ИИ, который анализировал всё, включая его мысли.

Здесь, на Лакримозе, он был просто «дядь Матео». Тот, кто готовит бекон. Тот, кто не боится дополнительных рук. Тот, кто прилетел за женщиной и остался.

И он боялся, что это «остался» — временно. Что мир, который он построил с Валькарией, треснет, как эти бетонные стены. И что он не сможет его починить, потому что не знает, как.

Он шёл к кабинету

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.